

Предисловие

В основу данного выпуска журнала легли материалы Международной конференции «Философия А. Бергсона и бергсонизм XXI века», посвященной 150-летию со дня рождения великого французского мыслителя. Конференция, состоявшаяся 15–16 июня 2009 г. в Институте философии РАН, была проведена при поддержке Франко-российского центра гуманитарных и общественных наук в Москве и Международного центра по изучению современной французской философии (Высшая нормальная школа, Париж).

Это первая в России конференция, посвященная философии Бергсона: никогда прежде его концепция не становилась предметом сколько-нибудь широких обсуждений, а тем более с участием зарубежных исследователей. Если в начале XX века Бергсона у нас хорошо знали, а воздействие его идей испытали представители самых разных философских течений, в том числе интуитивизма (Н. О. Лосский, С. Л. Франк), махизма, анархизма и др., то к 1930-м годам ситуация изменилась: учение Бергсона попало в разряд «реакционных», ему нередко давались негативные оценки, обусловленные прежде всего идеологическими причинами¹. Аналогичная ситуация сложилась и во Франции: примерно в то же время влияние Бергсона, необычайно сильное в начале века и особенно после выхода в свет «Творческой революции», резко пошло на спад. На смену пришли новые более «актуальные» идеи, а на философской сцене Бергсона заменил Жан-Поль Сартр. Таким образом, на протяжении многих лет как во Франции, так и в России, хотя и по разным причинам, философская значимость Бергсона для развития всей последующей философии XX века сильно приуменьшалась и даже, можно сказать, замалчивалась. И такая ситуация тем более удивительна, если учесть, что творчество Бергсона было важным теоретическим источником не только персонализма, католического модернизма, анархизма и иных философских и социальных течений нача-

¹ Хотя в 1960–1970-е годы появились и работы иного плана, характерно, что в советский период, помимо нескольких брошюр, вышла лишь одна монография К. А. Свасьяна, посвященная философии Бергсона.

ла прошлого столетия, но и самого французского экзистенциализма и феноменологии в лице Сартра, Марселя и Мерло-Понти.

С начала 1990-х годов в разных странах мира, и прежде всего во Франции, учение Бергсона переживает «второе рождение». За этот период появился целый ряд работ, где предлагаются новые подходы к пониманию бергсоновской концепции, с учетом опыта, накопленного философией и наукой к концу XX века и позволившего по-новому оценить смысл и актуальность основных идей мыслителя². В центре внимания оказывается то, по большей части имплицитное, воздействие, которое философия Бергсона оказывала на развитие европейской мысли на протяжении всего XX столетия. В связи с этим предпринимается сравнительное изучение идей Бергсона и его современников: Уайтхеда, Джеймса, Гуссерля, Ингардена, Шелера и др.; его взгляды сопоставляются также с воззрениями других французских философов, как относящихся к послевоенному поколению (Сартр и Мерло-Понти), так и современных (Левинас, Рикёр и даже Деррида). Причем особым полем для исследования становится бергсонизм Жиля Делёза, который вновь привлек внимание к философской теории Бергсона, пойдя в некотором роде против течения: наперекор царившему в то время гегелевско-хайдеггеровскому стилю мышления во французской философии.

Обращение к наследию Бергсона после многих лет почти полного забвения можно отчасти объяснить и той конфигурацией знания, которая сложилась сегодня в гуманитарном поле. Установка на междисциплинарный характер исследований в философских и социальных науках, выдвижение на первый план таких проблем, как жизнь или

² Так, например, в начале 2007 г. стараниями ведущего французского бергсоноведа и вдохновителя бергсоновского движения во Франции Фредерика Вормса, профессора университета Лилль-III, было возрождено Общество друзей Бергсона, которое насчитывает в своих рядах уже более 250 исследователей из разных стран мира. При активном участии членов Общества издаются «Бергсоновские анналы», завершается публикация первого историко-критического собрания сочинений философа (к настоящему времени вышли уже «Опыт о непосредственных данных сознания», «Материя и память», «Творческая эволюция», «Смех», «Два источника морали и религии», сборники «Духовная энергия» и «Мысль и движущееся»). Создан интернет-сайт Общества, информирующий обо всех его мероприятиях и выходе новых книг по данной тематике (www.amisdebergson.fr). Тот же 2007 год Министерство культуры Франции объявило «Годом Бергсона». В университетах Франции, Италии, Германии, Великобритании, Японии, Южной Кореи и Бразилии прошли конференции и коллоквиумы, посвященные 100-летию выхода в свет главного труда мыслителя — «Творческой эволюции». «Год Бергсона» и завершивший его Международный конгресс «„Творческая эволюция» Бергсона сто лет спустя (1907–2007): Эпистемология и метафизика», состоявшийся в Коллеж де Франс и Высшей нормальной школе в ноябре 2007 г., ярко продемонстрировали возрождение интереса к философии Бергсона и новые тенденции в изучении его идей. Юбилейный 2009 год тоже оказался богатым событиями — конференциями, семинарами, коллоквиумами, проведенными в разных странах.

справедливость³, а также необходимость вернуться к истокам французской философии, осмыслить причины ее столь впечатляющего развития в XX веке⁴, — все это способствует тому, что учение Бергсона в его богатстве и многообразии приобретает необыкновенную актуальность и становится важным источником для понимания современной философии. Ведь его философия — и в этом ее несомненная сила — не была систематической, она представляла из себя сгусток, удивительную концентрацию идей и интуиций, которые явно и неявно, сознательно и бессознательно, напрямую и косвенно, подхватывались многими мыслителями XX столетия, передавались от одного к другому, подвергались переработке и т.д. Сегодняшний бергсонизм оставляет попытки описи и классификации идей Бергсона, их сведения к общему знаменателю. Принимая во внимание открытый, незавершенный характер его мышления, он указывает на необходимость нового, имманентного и пристального чтения текстов Бергсона и анализа его понятий. Тексты Бергсона начинают привлекать не только как объект чисто теоретического интереса: они также способны предоставить нам и методы философского анализа, предложить новый концептуальный аппарат, серию понятий и образов (метафор), продуктивных для понимания различных феноменов современного общества и культуры, изучаемых в таких областях современного гуманитарного знания, как, например, литературная критика, музыковедение, теория искусства и т.п. Именно в совмещении этих двух тенденций: с одной стороны, «возвращая» Бергсону его интуиции в законное философское владение, а с другой — изучая его мысль в разнообразии ее влияний, — современный бергсонизм и видит свою задачу.

Теперь, когда больше не приходится доказывать значимость Бергсона и настаивать на необходимости изучения его философии, перед нами возникает вопрос: а можем ли мы получить прямой доступ к его философской мысли? Как можем мы сегодня читать Бергсона и с какими трудностями, с каким риском сопряжено это прочтение? Ведь наше понимание Бергсона и его понятий всегда уже опосредовано, осуществляется через призму множества уже существующих интерпретаций, выступающих, в силу открытости его системы, в качестве продолжающих и завершающих его мысль. Поиск ответа на данный вопрос и вдохновлял нас как организаторов конференции.

В связи с этим участникам конференции было предложено продумать несколько тем или возможных подходов к данной проблеме.

³ См., например: *Worms F.* La philosophie en France au XX siècle. Moments. Paris: Gallimard. folio essays, 2009.

⁴ См., например: *Foucault M.* La vie: l'expérience et la science (1985) // Dits et écrits. T. 2. Paris: Quarto Gallimard, 1994; *Badiou A.* Panorama de la philosophie française contemporaine. Conférence à la Bibliothèque Nationale (Buenos Aires, le 1er juin, 2004) // <http://multitudes.samizdat.net/Panorama-de-la-philosophie>.

Во-первых, попытаться определить положение Бергсона внутри двух философских традиций: французской, с одной стороны, и русской, с другой. Конечно, в том, что касается французской философии XX века, исторический анализ может проходить сквозь многообразные темы и всевозможные философские вопросы, получившие развитие на протяжении всех тех лет, что отделяют нас теперь от Бергсона. В России же, хотя за последние годы ситуация изменилась⁵, до сих пор преобладают оценки концепции Бергсона как иррационализма, антиинтеллектуализма, биологизма и т. п., давно подвергнутые пересмотру западными исследователями. Поэтому, изучая отечественную философскую традицию, мы должны сперва возвратиться к началу прошлого века и проследить рецепцию Бергсона в 10–20-е годы XX столетия, пытаясь обнаружить причины такого рода оценок и указывая, по мере необходимости, на их недостаточность. Тем самым, при помощи тщательной историко-философской реконструкции, мы сможем воссоздать пути воздействия идей Бергсона в России и определить возможности реактуализации его учения в нашей сегодняшней ситуации.

Во-вторых, нужно уделить особое внимание рассмотрению собственных философских понятий Бергсона, оценить их значимость и актуальность. Влияние Бергсона проявляется не только у тех философов, которые открыто провозглашают себя бергсоианцами (эти последние могут даже иногда отстоять гораздо дальше от Бергсона, чем сами полагают). Оно иногда заявляет о себе самым неожиданным образом. Такие понятия, как длительность, образ, индетерминация (непредопределенность), прогресс, интуиция (симпатия), динамическая схема, мифотворческая функция, виртуальное, интенсивность, множественное и т. п., но также и многие образы, как, например, жизненный порыв, дымка, круговорот, схема конуса и пирамиды, питали и продолжают питать современную философскую мысль, встречаясь у таких разных мыслителей, как Ж. Сорель, М. Хайдеггер, В. Янкелевич, Г. Башляр, Ж. Валь, Г. Марсель, А. Н. Уайтхед, И. Пригожин, Ж. Делёз. Целью анализа становятся приключения бергсоновских понятий; история их искажения и превращения, рецепции и отбрасывания. Кроме того, в результате реконструкции этих понятий станет возможным дальнейшее, более систематическое и точное их использование.

⁵ В последние 10 лет в России интерес к идеям Бергсона растет: философы, психологи, литературоведы вновь обращаются к его учению под воздействием собственных профессиональных интересов. В периодических изданиях и сборниках печатаются работы о влиянии философии Бергсона на творчество О. Мандельштама, А. Платонова и Г. Газданова; психологи находят много важного для себя в его идеях о времени и памяти; отечественные специалисты по синергетике разрабатывают оригинальные концепции с опорой на бергсоновское учение, в том числе на идею о разных уровнях темпоральности в природе. Но этот процесс тормозится из-за отсутствия необходимого уровня разработки главных тем бергсоновской философии.

В-третьих, предлагалось рассмотреть философию Бергсона в контексте так называемого духа времени, отмеченного яркими открытиями в науке и разработкой различных форм экспериментального искусства. Философские устремления Бергсона вступали в резонанс, звучали в унисон с духом эпохи, и такое влияние осуществлялось не на универсально-теоретическом или философском уровне, но скорее на уровне отдельных образов, метафор, эстетических интуиций, которыми была насыщена его мысль. Будучи недискурсивным мыслителем, Бергсон с подозрением относился ко всем попыткам свести его философию к ряду статичных и законченных понятий. Для него сам опыт должен был стать критерием оценки силы влияния и продуктивности используемых образов и понятий, в той мере, в какой эти понятия приобретают способность изменяться и трансформироваться в зависимости от того контекста, того мыслительного или проблемного поля, в котором они участвуют.

Каждый из текстов, представленных ниже, по-своему дает ответ на поставленные вопросы, исследуя ту или иную сторону бергсонизма. Все статьи, взятые в их совокупности, создают целую палитру отношений и переходов, реплик и перекличек между бергсоновскими идеями и понятиями.

Учитывая разнообразие проблематики, мы решили организовать тексты в логическом порядке. Начиная с более обобщающих статей наших французских участников, предлагающих панорамное видение философской мысли Бергсона в ее историческом развертывании, мы переходим к целой серии сравнительных исследований и затем к более специализированному анализу проблем и понятий, чтобы завершить, наконец, рассмотрением внефилософского, можно сказать, интердисциплинарного влияния мысли Бергсона.

Открывает же наш сборник текст, отличающийся особой искренностью и поэтичностью и способный сразу же задать основную тональность нашему прочтению и нашему пониманию Бергсона. Речь идет о личном, биографическом материале — воспоминаниях известного философа-медиевиста Этьена Жильсона, где автор не только делится впечатлением от лекций Бергсона, которые он в свое время посещал, но и с негодованием возражает против господствовавших стереотипов в интерпретации его философии.

Первый блок нашего сборника составляют два текста: «Бергсон и пути современной французской философии» Жана-Мишеля Салански и «Как Бергсон вводит проблему жизни во французскую философию XX века» Фредерика Вормса. В первой статье, на примере важных философских понятий: восприятия, виртуального, континуума и этического призыва, разрабатываемых соответственно Мерло-Понти (и подхватываемых затем когнитивными науками в противостоянии этому последнему), Делёзом, Рене Томом и Левинасом, — предпринимается попытка проанализировать имплицитное влияние Бергсона внут-

ри нескольких направлений французской философии XX века. В статье Ф. Вормса рассматриваются уже не понятия, а скорее проблема. Речь идет о проблеме жизни, которая проходит через три основных момента в истории французской философии⁶, но впервые, в ее внутреннем противоречии и напряжении, ее ставит именно Бергсон, связывая эту проблему с проблемой старого метафизического дуализма в отношениях материи и духа.

Два следующих этюда сосредотачиваются на сходных по тематике мотивах. Статьи Виктора Визгина и Анны Ямпольской вводят нас в сложную проблематику сравнительного анализа. Два ученика Бергсона — Габриэль Марсель (1889–1973) и Владимир Янкевич (1903–1985), по-разному испытывавшие влияние Бергсона, тем не менее оба обратили внимание на отсутствие в его мысли темы негативности: «драмы существования» для Марселя, «проблемы зла и смерти» — для Янкевича. Именно это и помешало обоим мыслителям — Марселю как философу экзистенциалистского направления и Янкевичу как философу мгновения — до конца оценить основополагающую идею Бергсона — идею непрерывности, или континуальности.

Следующие два текста также составляют своеобразную пару — антиномию — феноменологического и антифеноменологического. Кропотливый сравнительный анализ, проведенный Виктором Молчановым и прослеживающий стратегии введения понятия времени сначала Гуссерлем, а затем Бергсоном, позволяет выделить специфические стороны как одной, так и другой интерпретации, но также и обозначить сходство между ними. Исследуя образы, используемые в аргументации обоих философов, автор приходит к выводу о том, что Гуссерль и Бергсон недооценили значимость понятия пространства и не осознали в должной мере, что опыт не является опытом только временным. И отсюда — другой радикальный вывод: Бергсон на самом деле не нуждается в идее длительности, поскольку она есть не что иное, как абстракция живого и подвижного пространства. В статье Пьера Монтебелло показывается, как Делёз, опираясь на Бергсона, использует ряд его понятий и идей как раз в борьбе против феноменологии. Так, трансцендентальный субъективизм, свойственный феноменологии, преодолевается

⁶ Согласно концепции Ф. Вормса, которую он, в частности, отстаивает в своей последней книге «История философии 20 века во Франции. Моменты», в этой истории можно выделить три основных «момента». Первый момент охватывает период с конца XIX до 30-х годов XX века и организуется вокруг философской проблемы «духа». Второй момент — момент Второй мировой войны (30–60-е годы XX века), формируется вокруг проблемы существования или экзистенции. Третий момент, начинающийся в 60-е годы XX века и продолжающийся вплоть до 80-х годов, вырастает вокруг обсуждения проблем структуры и различия. И, наконец, в настоящее время мы являемся свидетелями рождения нового момента в современной французской философии — момента, центральными проблемами которого являются проблемы живого и справедливости..

при помощи имманентистской теории восприятия, изложенной в I главе «Материи и памяти», а бергсоновская онтология памяти при помощи понятия виртуального помогает опровергнуть трансцендентальную психологию.

Статьи Ирины Блауберг и Александра Доброхотова представляют блок, посвященный рецепции Бергсона русскими философами в первые два десятилетия XX века. В обоих текстах речь идет о проблеме времени или чистой длительности, сформулированной Бергсоном. Рассматривая некоторые отклики на эту проблему в русской философии, где она, в отличие от французской, в целом не привлекла должного внимания, И. Блауберг отмечает, что наиболее интересные трактовки бергсоновской идеи о «длящемся настоящем» были предложены С. А. Аскольдовым, а также И. Н. Дьяковым, который, следуя Бергсону, разрабатывал учение о времени как субстанции нового типа. В статье А. Доброхотова в центре внимания также оказывается проблема времени в ее рецепции русским религиозным философом Л. П. Карсавиным, который применяет бергсоновскую интерпретацию теории времени для решения вопроса о свободе. Однако, подтверждая значимость достижений Бергсона в том, что касается временности эмпирической души, Карсавин отказывает ему в понимании души «всевременной» или «всеединой», божественной или метафизической. Статья Виктории Лысенко продолжает, с одной стороны, тему рецепции идей Бергсона в среде русской философии, а с другой, углубляет идею сравнительного анализа, исследуя компаративистский метод Ф. И. Щербатского. Согласно автору, Щербатской обнаруживает ряд важных аналогий между концепциями Бергсона и буддизма: отрицание существования души как неизменного субстрата сознания, идею о динамичности, изменчивости мира, представление о непосредственном характере восприятия, а также обращение к интроспекции. Однако основной проблемой сравнительного подхода является его легитимация: каждый раз, прежде чем приступать к такого рода анализу, необходимо выявить критерии, обеспечивающие его правомерность и продуктивность.

Следующий блок, который можно представить также двумя текстами, посвящен разбору проблем уже внутри самого бергсонизма, и авторы концентрируются исключительно на анализе текстов Бергсона. В статье Юлии Подороги представлена попытка проанализировать стиль мышления Бергсона, следуя за его примерами и исследуя те мыслительные эксперименты, которые он предлагает. В тексте Арно Франсуа, посвященном проблеме бергсоновского «прагматизма», выделяются два вида прагматизма: явный, формулируемый Бергсоном, начиная с «Материи и памяти», в виде прагматистской теории познания, и скрытый, внутренний, прагматизм, можно сказать, метафизический. Этот последний прагматизм помогает понять критику, которой Бергсон подвергает теорию истины как соответствия: настоящий прагматизм — творческий, а истина не является чем-то преданным, а создает-

ся вместе с тем открытием, которое совершает интеллект или интуиция в чистой длительности.

Наконец, последние четыре текста собраны в отдельный раздел, посвященный внефилософскому или выходящему за пределы узкофилософского применения влиянию Бергсона. Так, в статье Евгения Рашковского историческая концепция Тойнби рассматривается в ракурсе того своеобразного влияния, которое на нее оказала бергсоновская теория времени. Тойнби нашел в философии Бергсона не только терминологическое обрамление для того критического пафоса, что толкал его к критике позитивистских взглядов в историографии, но и необходимые интуиции для осмысления истории как целостного процесса, обладающего своей собственной уникальной длительностью. Настаивая на творческом и даже мистическом характере истории и опираясь на идею открытого и закрытого общества, высказанную Бергсоном в «Двух источниках морали и религии», Тойнби утверждает, что история как наука не сводится к предвидению и прогнозированию, исходящим из повторяемости определенных фактов или процессов, но скрывает в себе внутреннее, личностное измерение — то, что делает историю именно историей. Авторы следующих двух текстов — Эли Дюринг и Елена Князева — обращаются к отдельной и требующей пристального внимания теме: Бергсон в его отношении к науке. Но если в первой статье рассматривается отношение Бергсона к современной ему науке и особенно его реакция на теорию относительности (Бергсон посвятил этому целую книгу «Длительность и одновременность»), то во второй прослеживается длительное и устойчивое влияние бергсоновской идеи восприятия (изложенной в «Материи и памяти») на развитие когнитивных наук, и в частности, эволюционной эпистемологии (Лоренц), «нейрофеноменологии» (Варела), биологических теорий Я. фон Иксюля и К. фон Фриша. Современную когнитивную науку вдохновляет идея о возможности познания мира живого в его эволюции, понятой как непрерывное творчество. Некоторые понятия, разработанные когнитивными науками, являются как бы продолжением и развитием бергсоновских: например, идея «энактивированного познания», указывающая на связь восприятия и действия, понятие «оптического окна», приющего живому, теория фреймов Варелы и т. п.

Последний текст выбран как завершающий не случайно. Игорь Духан открывает пути для более широкого осмысления длительности и ее эвристической ценности как эстетического понятия, применимого к описанию художественных практик модернизма и выходящего в этом применении далеко за границы той области функционирования, что ей изначально предписывал Бергсон. Автор сравнивает поиски Бергсона с экспериментальными практиками импрессионизма (серийная живопись Клода Моне) и авангарда, как в его теоретических текстах (бергсоновский язык кубистического манифеста Глеза и Метценже),

так и на практике—в попытках, например, Дюшана или Пикассо исследовать непрерывное путем создания «визуального языка длительности».

И наконец, напоследок мы посчитали нужным перевести и опубликовать несколько важных классических текстов французских авторов, посвященных Бергсону. Каждый из них перекликается с темами обсуждения: вопросом о значении бергсоновской концепции времени для истории как науки (Марру), с темой введения и представления идеи времени (Марсель), а также идеи длительности как памяти (Пуле)—темы, которая, напротив, к сожалению, была очень мало затронута на конференции.

Юлия Подорога, Ирина Блауберг